

Натурфилософские проблемы физики в 1937 году

Г. Е. Горелик,

кандидат физико-математических наук
Институт истории естествознания и техники АН СССР
Москва

В 30-годы естествознание в СССР испытывало стремительно нарастающее философско-политическое давление. Уже сточающаяся диктатура в государственной политике с большим или меньшим запаздыванием распространялась на все области общественной жизни. Журнал «Под знаменем марксизма» должен был осуществлять публичное взаимодействие философии и естествознания. В различных областях оно существенно зависело от внутреннего и внешнего положения данной науки.

Конкретная ситуация в физике, которую нам предстоит рассмотреть, значительно отличается от ситуации, скажем, в биологии. Можно говорить об общем характере событий, но не о типовом проекте. Как бы ни была авторитарна режиссура и как бы ни были типичны действующие лица, сильные индивидуальности «исполнителей» оказывали неустранимое влияние на результирующий спектакль в том театре дель арте, который называется «научная жизнь».

Герои пьесы «Философия и физика» в соответствии с ее названием отчетливо делились на две категории. Одну составляли философы-профессионалы, более или менее невежественные в физике, более или менее искренно послушные идеологическому тоталитаризму (за немногими исключениями). Но представители этой группы, при всех их карательных наклонностях, могли претендовать не более, чем на вторые роли в философско-научном взаимодействии. А первые история поручала людям, которые считались (и в определенном смысле были) естествоиспытателями - профессионалами. Только их участие в философско-физических

дискуссиях давало в итоге не просто слово, но и дело — оргвыводы разной силы.

Понять поведение участников философско-физических дискуссий невозможно в отрыве от содержательной стороны развития физики. Как известно, в первую треть XX в. в физике происходила научная революция — быстрое и бурное изменение ее понятийного аппарата (связанное с теорией относительности и квантовой теорией). В подобных условиях особое значение имеет замечательный постулат Планка, который он сформулировал, исходя из своего богатого жизненного опыта: «Обычно новые научные истины побеждают не так, что их противников убеждают и они признают свою неправоту, а большей частью так, что противники эти постепенно вымирают, а подрастающее поколение усваивает истину сразу»¹. Практические следствия из этого постулата вытекают разные для ученых, различающихся своими мировоззрениями и в физико-методологической, и в социально-этической сферах.

Одни (к ним относился и Планк) «молча» переживают внутреннюю драму или даже трагедию, мучаясь тем, что их научные идеалы обнаружили свою ограниченность.

Другие, будучи не в силах отказаться от интеллектуальных инструментов, верой и правдой прослуживших долгое время, стараются разубедить своих коллег.

Творчески наиболее сильные ученые осмыслением предшествующей, «старой» физики и критическим анализом новой вносят существенный вклад в «классификацию» первой и очищение от пережитков второй; примером может служить завершающая половина научной биографии Эйнштейна.

Однако приверженность к образу физической мысли, приобретенному в начале

© Горелик Г. Е. Натурфилософские проблемы физики в 1937 году.

Расширенный вариант статьи будет опубликован в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» в 1990 г.

¹ Планк М. Избр. тр. М., 1975. С. 656.

научной карьеры, может у некоторых ученых проявиться в иной форме. Обнаружив, что «законными» научными средствами не удастся повлиять на коллег, и будучи не в силах признать свой отрыв от переднего края науки и отойти в сторону, они расширяют свой агитационный арсенал, пользуясь всеми идеологическими ресурсами современного им общества.

Такой была эволюция крупных физиков-экспериментаторов, нобелевских лауреатов Ф. Ленарда и Й. Штарка, которые отвергали теорию относительности как «неарийскую» физику, как «проявление азиатского духа».

В Советской России 30-х годов тоталитарная идеологизированность и политизация общества была не меньшей, чем в Германии, но социокультурные ресурсы были иными. Соответственно иные нефизические аргументы выдвигались против новых физических теорий.

До начала 30-х годов философские обсуждения физики, порой весьма горячие, имели в общем доброкачественный характер. У физиков-специалистов не было причин, которые побудили бы их к философским выступлениям в печати.

Вехой в эволюции философско-физических дискуссий можно считать первое явное вмешательство высшей политической власти — Постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г. «О журнале „Под знаменем марксизма“». С 1931 г. журнал «Марксизм и естествознание» стал выходить под названием «За марксистско-ленинское естествознание». Резко усилившееся наступление философии на новую физику (и с целью нападения, и с целью защиты) вынудило физиков-специалистов вступить в полемику².

Среди советских физиков наиболее видными противниками новой физики были трое — А. К. Тимирязев (1880—1955), Н. П. Кастерин (1869—1948), В. Ф. Миткевич (1872—1951).

Наибольшей философской активностью отличался А. К. Тимирязев — профессор физики МГУ. Как и его отец (знаменитый биолог), он безоговорочно поддержал Советскую власть, в 1921 г. вступил в партию (по решению ЦК — без кандидатского стажа). Особых научных достижений за ним не

числится, если не считать его учебника статистической физики «Кинетическая теория материи». В этой книге, даже в 3-м издании 1939 г., скупые философские замечания, сделанные в самом начале и конце, выглядят лишь ритуальными украшениями. В области своей профессиональной компетенции, где он обошелся одним только соотношением из квантовой физики — формулой де Бройля, Тимирязев не употреблял грозных идеологических аргументов. Он ограничился легким брюзжанием по адресу «многих из современных физиков-теоретиков, для слуха которых ненавистно само слово материя» (раз они название «Кинетическая теория материи» заменяют расплывчатым термином «Статистическая физика»). «Современной формалистической» (читай — квантовой) физике он противопоставил специальный параграф «Соотношение де Бройля в истолковании Дж. Дж. Томсона», основанном на существовании неких «диполей... которые можно рассматривать как результат падения электрона на протон»³. (Это в 1939-м, напомним, году!)

Однако когда он говорил о квантовой механике и теории относительности в целом, ему уже не хватало физических слов и он брался за философские. В журнале «Под знаменем марксизма» было опубликовано около двадцати его статей, посвященных идеализму в физике.

Нельзя, впрочем, считать философские соображения Тимирязева просто взятыми напрокат для прикрытия голой сути его физического мировоззрения. Нет оснований сомневаться в искренности его социальных симпатий и антипатий. Играла свою роль также его оппозиция к академической науке. Поэтому философско-социальные одежды в некотором смысле прирастали к его физическому мировосприятию.

Совсем иной была позиция Н. П. Кастерина, которую Тимирязев пропагандировал как подлинно материалистическую, но которую сам Кастерин выражал исключительно в физико-математических понятиях. Его острое неприятие квантово-релятивистской физики вполне оформилось уже в дореволюционные годы, когда он подготовил статью «О несостоятельности специального принципа относительности Эйнштейна» и когда пытался на основе гидродинамических (точнее, эфирнодинамических) представлений построить теорию, заменяющую теорию относительности и квантовую механику. В советское время, вплоть до конца 30-х годов,

² См., напр.: Тамм И. Е. О работе философов-марксистов в области физики // ПЗМ. 1933. № 2. С. 220; Вавилов С. И. Старая и новая физика // Памяти Карла Маркса. М., 1933. С. 207—220; Иоффе А. Ф. Непрерывное и атомное строение материи // Памяти Карла Маркса. С. 247—253; Он же. Развитие атомистических воззрений в XX веке // ПЗМ. 1934. № 4. С. 52—68.

³ Тимирязев А. К. Кинетическая теория материи. 3-е изд. М., 1939. С. 144.

усердно следовал избранной программе. Но несмотря на дружное и нескрываемое неприятие его трудов специалистами⁴, он никогда не привлекал соображений, окрашенных в цвета победившей идеологии и не поддавался, как говорится, на провокации. А провокации рождались жизнью в достаточном количестве.

Например, в ходе обсуждения работ Кастерина в Академии наук, состоявшегося в декабре 1936 г., в ответ на критические замечания Тамма и Френкеля выступил Т. М. Свиридов: «Я хотел сказать, что две точки зрения будут существовать до тех пор, пока будут две системы общества. И поэтому имеет место та враждебная критика, которую мы слышали сегодня, она враждебна по своему существу и она отнюдь не преследует цели выяснения вопроса...» Реплика С. А. Чаплыгина: «Я думаю, что лучше этого не говорить»⁵. Здесь следует заметить: академик Чаплыгин (1869—1942) весьма сочувственно относился к самим устремлениям Кастерина (обосновать новую физику с помощью аэродинамики), но подобно последнему вовсе не склонен был внедрять жизнь в науку.

Обратимся, наконец, к третьему и главному для нашего сюжета борцу с новой физикой. Его позиция была в некотором смысле промежуточной между двумя описанными, хотя назвать ее золотой серединой язык не поворачивается. Речь идет о В. Ф. Миткевиче. Его заслуги в области электротехники были оценены избранием в 1927 г. в члены-корреспонденты, а в 1929 г. — в академики. Он участвовал в разработке плана ГОЭЛРО, в 1921—1937 г. возглавлял Особое техническое бюро по военным изобретениям Наркомата обороны.

Учитывая общую электротехническую направленность трудов Миткевича, особенно легко представить себе психологическую основу его отношения к новой физике. Все его творчество опиралось на фундамент классической электродинамики; более того, ему вполне хватало максвелловской картины с ее эфиром и силовыми линиями (технические приложения квантово-релятивистской электродинамики обнаружались гораздо позже). Всякое изменение в физическом

В. Ф. Миткевич (1872—1951)

фундаменте техник должен встречать с опаской — как бы не рухнуло все здание.

Противоядием к такому здравому смыслу может стать достаточно широкий исторический и методологический кругозор, охватывающий эпизоды истории, когда физический фундамент радикально перестраивался с сохранением прикладных и технических этажей здания науки. Однако если такой кругозор не выработан, может возникнуть естественное стремление не допускать легкомысленных (по молодости) физиков к рискованным манипуляциям с фундаментом.

Не обсуждая обоснованность такой психологической реконструкции, перейдем непосредственно к борьбе Миткевича «за фарадеев-максвелловскую установку в вопросе о природе физических взаимодействий» (так называлась его статья 1934 г. в «Сорене»). Началась эта борьба с диспута «О природе электрического тока», затеянного Миткевичем в конце 1929 г. С точки зрения его оппонента Я. И. Френкеля, поддержанного А. Ф. Иоффе и П. Эренфестом, для научной

⁴ Блохинцев Д. И., Леонтович М. А., Румер Ю. Б., Тамм И. Е., Фок В. А., Френкель Я. И. О статье Н. П. Кастерина «Обобщение основных уравнений аэродинамики и электродинамики» // Известия АН СССР. Сер. физ. 1937. № 3. С. 426.

⁵ Стенограмма выступлений по докладу проф. Н. П. Кастерина. Архив АН СССР (ААН). Ф. 2. Оп. 1 (1937). Д. 571.

дискуссии предмета, собственно, не было. Однако Миткевич в 1933 г. предпринял новую атаку, уже в стенах Академии наук, где состоялся его доклад «О "физическом" действии на расстоянии»⁶. Целью докладчика по существу было спасти эфир, старый добрый «фарадеев-максвелловский» эфир.

Отвечал Миткевичу опять Френкель, еще раз продемонстрировав бессодержательность формулировок Миткевича, унаследованных от XIX в., для уровня физики 30-х годов.

«Вы, Владимир Федорович,— сказал, обращаясь к Миткевичу, А. Н. Крылов,— старый техник, я тоже старый техник, но я вас вдвое старше. Так вот, видите ли, есть такой писатель — Козьма Прутков. Он сказал: "Кто тебе мешает выдумывать порох неподмокаемый". Кто же вам мешает выдумывать теорию ньютонова тяготения при помощи действия через непрерывную среду. Установите ее и потом рассказывайте. А так можно говорить до утра и ничего не сказать»⁷. (Переводчик ньютоновских «начал» прекрасно знал, что сам Ньютон не с легким сердцем удовлетворился действием на расстоянии.)

Замечание академика Крылова исчерпывающим образом характеризовало научную ситуацию, но оно не стало последним словом. В дискуссию решил вмешаться еще один академик, от физики гораздо более далекий,— Н. И. Бухарин:

«Я бы хотел задать тов. Френкелю два вопроса.

Владимир Федорович в своей речи поставил вопрос, связанный с некоторыми философскими теоретико-познавательными выводами, который относится к проблематике философии. Это вопрос о дуализме и недуализме между физическими и психическими явлениями, материальными и так называемыми духовными. В этой плоскости и говорил Владимир Федорович. Вы же выступили и говорили об электромагнитном поле. Я вас спрашиваю тогда, сколько, по-вашему, основных категорий? По-вашему, выходит три, и если вы вводите электромагнитное поле, которое не является материальным явлением, то оно, конечно, не является и психологическим. Следовательно, вы стоите за какую-то триаду. Так это или нет? С другой стороны, это не материальная категория. Я думаю, что по всем правилам какой угодно — и диалектической и

формальной логики — это какая-то третья категория. Что это за третья категория?

Второй вопрос. Считаете ли вы вопрос о пространстве атрибутами чего-то, материи, и если вы считаете это не атрибутами, а чем-то самостоятельным, то считаете ли вы за самостоятельную субстанцию? С другой стороны, если вы считаете, что это атрибуты, то считаете ли вы возможным существование атрибутов в чистой неприкосновенности и оторванности от того, атрибутами чего они являются?»⁸.

Приступая к ответу, Френкель назвал вопросы Бухарина «совершенно законными и правильными», с чем согласиться очень трудно. Бухарин, видимо, не подозревал, что Миткевич под словом «материя» понимал не «объективную реальность, данную нам в ощущениях», а старые добрые корпускулы, жившие в физике до эпохи диамата. И Френкель, наряду с объяснением смысла слова «поле», вынужден был отмежевать физическое словоупотребление от философского.

Из стенограммы не видно, какое впечатление на Миткевича произвело философское обсуждение его доклада. Однако если до этого среди его доводов философии не было в помине, следующие его натиски на новую физику обрели новое качество — философско-политическое. Так, спустя год, мнение В. А. Фока (резко отрицательное) о его книге напомнило ему «фашистские методы»⁹. Широкою известность имеет «меридианная» история. Когда Тамм на мартовской сессии Академии наук 1936 г. сопоставил вопрос Миткевича с вопросом о цвете меридиана, Миткевич находчиво намекнул, что, в отличие от своих идейных противников, он стоит на меридиане правильного (красного) цвета. А честно констатируя научную ситуацию, он тогда же писал: «У меня пока имеются, к сожалению, более или менее серьезные расхождения со многими моими коллегами по Академии наук, в том числе с академиками А. Ф. Иоффе и С. И. Вавиловым, с членами-корреспондентами Академии — Я. Н. Шпильрейном, Я. И. Френкелем, И. Е. Таммом и Г. А. Гамовым»¹⁰. Этот перечень особенно хорошо тем, что Гамов к тому времени уже два года пребывал невозвращенцем и фамилия его не произносилась в общественных местах.

⁸ Там же. С. 467.

⁹ Миткевич В. Ф. Основные физические воззрения. Собрания докладов и статей. 2-е изд. М.; Л., 1936. С. 162.

¹⁰ Сессия АН СССР 14—20 марта 1936 г. // Известия АН СССР, ОМОН. 1936. № 1—2. С. 115.

⁶ Стенограмма октябрьской сессии АН СССР 1933 г. ААН (ЛЮ). Ф. 2. Оп. 1. (1933). Д. 3. Л. 459—469 об.
⁷ Там же. С. 466.

Гамова он упомянул среди своих противников и в конце 1937 г., когда решением Физической группы тот уже был исключен из Академии. Впрочем, для противников, оставшихся на родине, Миткевич оставлял шанс, полагая, «что пройдет еще немного времени, и А. Ф. Иоффе и Г. И. Вавилов... исправят свои ошибки» и будут «упорно работать на пользу истинно советской физической науки»¹¹.

Не обязательно, конечно, думать, что причиной философско-политической перекоски Миткевича стала именно подсказка Бухарина. Хватало и других. Общественная практика способствовала размыванию этики.

Нравственная неустойчивость Миткевича усугублялась силой научной страсти. Он явно не помышлял о социально-политической карьере, иначе бы не стремился к публичным выступлениям. Нет, он страстно хотел только одного — убедить коллег в своей правоте, но достигнуть этого готов был любой ценой.

Неудивительно, что именно Миткевич стал инициатором первой философско-физической дискуссии в Академии наук. Расскажем о судьбе этой инициативы языком первоисточников. Ключевые документы обнаружил научный сотрудник Архива АН СССР Г. А. Савина (которой автор приносит благодарность за участие в подготовке этой публикации).

7 января 1937 г. Миткевич обратился к непререкаемому секретарю Академии Н. П. Горбунову с письмом, в котором говорилось: «...Считая весьма актуальным усиление борьбы за проникновение принципиальных установок диалектического материализма в область физических наук, я обращаюсь к Вам с просьбой об организации в АН собраний, посвященных рассмотрению основных натурфилософских установок современной физики, с привлечением на первое время только узкого круга причастных к АН специалистов по физике и философии.

Я думаю, что для планомерности борьбы за основы материалистического миропонимания и против физического идеализма было бы весьма целесообразно сосредоточить внимание сначала на наиболее существенных вопросах, в которых особенно резко выявляется расхождение между сторонниками физического идеализма и сторонниками диалектического материализма. В связи с проводимой мною в течение ряда лет

борьбой за пересмотр некоторых наших физических представлений определенно выявилось, что члены-корреспонденты АН И. Е. Тамм, В. А. Фок и Я. И. Френкель придерживаются позиций физического идеализма. Это совершенно ясно вытекает из ряда опубликованных выступлений. Что касается академиков С. И. Вавилова и А. Ф. Иоффе, то оба они уклонились во время мартовской сессии АН от какого бы то ни было ответа на сформулированный мною вопрос, несмотря на то, что их ответы могли бы осветить их натурфилософские установки. Ни С. И. Вавилов, ни А. Ф. Иоффе не возражали против выступления И. Е. Тамма, который пытался ответить за А. Ф. Иоффе, так что может показаться, будто бы они разделяют идеалистические установки И. Е. Тамма. Однако я считаю это весьма маловероятным. Тем не менее позволю себе просить Вас о персональном приглашении С. И. Вавилова и А. И. Иоффе на первое собрание (...)

Для продуктивности работы предлагаемых мною собраний было бы, по моему мнению, совершенно необходимо, чтобы С. И. Вавилов и А. Ф. Иоффе предварительно дали свои письменные ответы на прилагаемые при сем 2 вопроса. (...)

1. Могут ли два магнита N_1S_1 и N_2S_2 , находящиеся на произвольном расстоянии друг от друга, так взаимодействовать, чтобы при этом в объеме некоторого слоя, со всех сторон окружающего магнит N_1S_1 , не происходило какого бы то ни было физического процесса?

2. Допустимо ли предположение, что магнитное поле, электрическое поле или, вообще, электромагнитное поле — существуют сами по себе, без всякого участия какого-либо материального носителя свойств, обнаруживаемых в этих полях?»¹²

На письме имеется развернутая положительная резолюция Горбунова и рекомендация опубликовать его в «Правде» вместе с сообщением об устройстве в АН обсуждения вопроса о физическом идеализме. Не проходит и недели, как Миткевич в подкрепление этого письма и своей позиции в Академии снова обращается к Горбунову «в связи с предстоящими выборами действительных членов АН» и предлагает двух кандидатов по специальности «физика»: Кастераина и Тимирязева. Мотивом своего предложения он указал «настоятельную необхо-

¹¹ Миткевич В. Ф. По поводу статьи акад. А. Ф. Иоффе «О положении на философском фронте советской физики» // ПЗМ. 1937. № 11 — 12. С. 156.

¹² Обсуждение основных натурфилософских установок современной физики (7.I.37—10.III.38). ДАН. Ф. 2. Оп. 1 (1937). Д. 558, С. 30—33.

А. А. Максимов (1891—1976)

димось усилить Группу физики АН действительными членами, имеющими достаточные заслуги, как ученые, и в то же время стоящими на платформе диалектического материализма»¹³.

Совет Отделения математических и естественных наук АН СССР (ОМЕН) 16 апреля 1937 г. поручает Группе физики совместно с Институтом философии организовать в начале июня «дискуссионное заседание для обсуждения основных натурфилософских установок современной физики с привлечением в качестве основного докладчика акад. В. Ф. Миткевича». Президиум Физической группы утверждает председателем комиссии по подготовке совещания А. А. Максимова¹⁴, секретарем — Д. И. Бло-

хинцева. Однако Миткевич сообщает Горбунову, предварительно изменив историю своей упорной борьбы с идеализмом в физике, что «не согласен сделать вводный доклад», пока акад. С. И. Вавилов и акад. А. Ф. Иоффе не ответят на заданные им мною 2 вопроса». И добавляет: «Во всяком случае я полагаю, что ни акад. С. И. Вавилов, ни акад. А. Ф. Иоффе не могут председательствовать в заседаниях, посвященных борьбе с физическим идеализмом. Необходим более объективный председатель. Иначе борьба с физическим идеализмом примет характер борьбы с «борьбою против физического идеализма», как это и случилось 16 апреля в заседании Совета ОМЕН, в котором председательствовал акад. С. И. Вавилов».

В заключение Миткевич просит указаний, как ему дальше поступать:

«1. Махнуть ли на все рукой и прекратить жестоко напряженную борьбу с нашими физиками-идеалистами?

Или

2. Настойчиво продолжать борьбу за материалистическое миропонимание, добиваясь определенного ответа на вопросы, которые безошибочно разоблачают сторонников физического идеализма?»¹⁵

Горбунов высказался, «конечно, за борьбу»¹⁶, а Президиум Академии наук, отложив проведение дискуссии «по вопросам натурфилософии и по основным вопросам физики» до осени 1937 г., попросил академиков Иоффе и Вавилова «предварительно представить для опубликования в печати свои соображения по вопросам, затронутым ак. В. Ф. Миткевичем в его письме в Президиум АН СССР»

Выполняя это постановление, Вавилов

работал в отделе культпросвета Казанского совдепа. С ноября 1918 г. член РКП(б). После года службы в Красной армии работал в Наркомпросе в отделе рабфактов. Ячейка РКП(б) этого отдела приняла в партию А. К. Тимирязева, под руководством которого Максимов с 1921 г. стал работать на кафедре физики I МГУ. Печатается в журнале ПЗМ, с 1926 г. входит в его редколлегию. Выполняет поручения отдела агитации ЦК. Работает в редакции БСЭ, написал для БСЭ статью «Диалектический материализм» и др. В 1934 г. ему присваивается звание доктора философских наук. К 1937 г. он — один из главных деятелей партийно-философского надзора за естествознанием. Именно он в «Правде» 8.II.37 написал эпитафию «Сорене» — самому научному из популярных журналов, выходящему в 1931—1936 гг. под редакцией Н. И. Бухарина (ААН. Ф. 411. Оп. 15. Д. 52).

¹³ ААН. Ф. 2. Оп. 1. (1937). Д. 558. Л. 26.

¹⁶ Письмо Горбунова осталось без подписи, видимо, в связи с тем, что через несколько дней его должность — непрременный секретарь АН — была ликвидирована, Сам он спустя полгода был арестован и расстрелян как «враг народа».

¹³ ААН. Ф. 411. Оп. 6. Д. 1446.

¹⁴ А. А. Максимов (1891—1976), сын сельского псаломщика, окончил Казанский университет в 1916 г. по специальности «Физическая химия». С начала 1918 г.

опубликовал в журнале «Под знаменем марксизма» (№ 7, 1937) статью «По поводу книги акад. В. Ф. Миткевича "Основные физические воззрения"». Привлекая историю и самое последнее слово науки, Вавилов убедительно и в весьма энергичных выражениях продемонстрировал бессодержательность и анахронизм «вопросов» Миткевича и недоброкачественность его методов «борьбы против физического идеализма».

Иоффе не торопился выполнить просьбу Президиума и написал в редакцию «Под знаменем марксизма»: «В ответ на Ваш запрос от 10 июля сообщаю, что я не предполагаю писать о физических взглядах акад. Миткевича. Об этом я своевременно сообщил и Президиуму АН. (...) Я считаю «вопросы» ак. Миткевича бессодержательными. (...) Как постановка вопросов, так и аргументация целиком относятся к XIX веку. (...) Сейчас они гальванизированы германскими фашистами, Штарком, Ленардом, которые, как и акад. Миткевич и проф. Тимирязев, отказываются понять современную физику. Фашисты — потому, что она "еврейская", а не германская. Чтобы понять у нас эту реставрацию, нужно иметь другие основания. (...) Среди напряженной научной работы я не нахожу времени для статьи об эфире ак. Миткевича»¹⁷. (Время для такой статьи Иоффе все-таки вынужден был найти; в № 11—12 за 1937 г. помещена его статья «О положении на философском фронте советской физики».)

Это письмо редакция переправила вице-президенту АН Г. М. Кржижановскому вместе со статьей Максимова «О философских воззрениях акад. В. Ф. Миткевича и о путях развития советской физики» (опубликованной в № 7 за 1937 г.).

Кржижановский ответил: «В основном я считаю эту статью совершенно правильной, но если бы я писал на эту тему, то я еще более смягчил бы первую часть, направленную против ошибок Миткевича, и, наоборот, значительно усилил бы вторую часть, направленную против Фока, Тамма, Френкеля и Компании. Мне кажется, что недостаточно подчеркнуто то, что представляет собой отрицательный комплекс представлений акад. Миткевича о современной физике: ведь он в этой области значительно поотстал, между тем голова у него хорошая и надо бы его подтолкнуть и в этом направлении»¹⁸.

Из статьи Максимова можно узнать, что «физики Гамов, Бронштейн, Френкель,

В. А. Фок и Л. де Бройль в 1961 г.

Тамм и примыкающие к ним акад. Иоффе и Вавилов неустанно повторяли философские измышления философов-идеалистов и физиков-идеалистов». По мнению Максимова, «особого внимания заслуживает то обстоятельство, что подпавшие под влияние идеализма советские физики составляют компактную группу (Френкель, Тамм, Фок, Бронштейн, Шпильрейн, идущие с ними А. Ф. Иоффе и С. И. Вавилов и некоторые другие)»¹⁹.

Совместная сессия групп физики и философии несколько раз назначалась и откладывалась. 9 января 1938 г. в Отделении общественных наук АН, у А. М. Деборина, состоялось обсуждение вопроса. М. Б. Митин (которому еще предстояло большое философское будущее) сообщил: «Мы у себя в Институте философии обсуждали и решили, что должны выступать по вопросу о современном физическом идеализме на Западе и его проявлениях в нас — акад. Миткевич, а о проблеме причинности — т. Максимов». Последовали длинные дебаты: нужны ли, возможны ли в принципе содоклады со стороны физиков, не является ли крамольной сама возможность разных мнений по столь важному вопросу. Председательствующий высказался все же за дискуссию.

17 января президиум Физической группы согласился с предложением философов. И все же эта сессия, столь долго и тщательно

¹⁷ Секретариат вице-президента АН СССР Г. М. Кржижановского. ААН. Ф. 402. Оп. 1. Д. 1. Л. 70.

¹⁸ Там же. С. 71.

¹⁹ Максимов А. А. О философских воззрениях акад. В. Ф. Миткевича и о путях развития советской физики // ПЗМ. 1937. № 7. С. 25—55.

но готовившаяся, не состоялась. Главным виновником этого стал, судя по всему, В. А. Фок. 13 февраля 1938 г. он направил в Президиум АН следующее

«Заявление.

Организационная комиссия по созыву совместного заседания групп философии, физики и технической физики, по-видимому, считает, что дискуссия, ведущаяся в настоящее время на страницах журнала „Под Знаменем Марксизма“, является подготовкой к той, которая должна происходить на означенном совместном заседании групп.

Если это так, то следует ожидать, что научный уровень той дискуссии, которая должна будет вестись в стенах Академии, будет весьма низким. В самом деле, ознакомившись со статьями тех лиц, которые нападают на современную физику от имени советской философии, я не нашел в них ничего соответствующего действительным задачам советской философии: разработке последовательно-материалистического понимания новой физики и борьбе с идеалистическими извращениями физических теорий. Напротив того, я убедился, что они вообще не содержат никаких аргументов научного или философского характера, а состоят частью из прямой ругани (трус, лжец и т. п.), частью же из передержек, подмены понятий и прочих приемов, ничего общего с научной полемикой не имеющих. (...)

В своей статье ак. В. Ф. Миткевич прежде всего нападает на ак. А. Ф. Иоффе за то, что тот пользуется недостаточно высоким стилем и — о ужас — употребляет такие слова, как „кисель“. Право же гоголевские губернские дамы — дама приятная во всех отношениях и просто приятная дама — были менее щепетильны, чем ак. В. Ф. Миткевич, в выражении своих деликатных чувств, хотя и придерживались тех же взглядов на методы полемики. (Цитирую из Гоголя:

— Милая, это пестро!

— Ах, нет, не пестро!

— Ах, пестро!

Нужно заметить, что во всех отношениях приятная дама была отчасти материалистка, склонная к отрицанию и сомнению и отвергала весьма многое в жизни.)

Тот факт, что ак. А. Ф. Иоффе пользуется обычным разговорным языком, представляется, по мнению ак. В. Ф. Миткевича, *testimonium rauertatis* в научном отношении (стр. 145 № 11-12 ПЗМ).

Далее, чтобы опровергнуть утверждение ак. А. Ф. Иоффе: „... и вот группа Тимирязева — Кастерина — Миткевича берется за

задачу вернуть физику по всему ее фронту развития назад в XIX век“ и чтобы показать, что он стоит на уровне современной физики, акад. В. Ф. Миткевич приводит ряд цитат из своих прежних сочинений. (...) Достаточно указать на то, что на стр. 147 автор смешивает максвелловские (т. е. электромагнитные) волны с волнами де Бройля; за подобную ошибку студента на экзамене ожидает немедленный провал. А ведь пишет это академик, а не студент!

В своей статье акад. В. Ф. Миткевич повторяет до утомительности часто свой вопрос о дальнем действии и близком действии. К этому сводится, впрочем, научное содержание почти всех его выступлений. Если ему просто ответить, что между магнитами имеется магнитное поле, которое само материально и не нуждается ни в каком носителе, то, вероятно, он будет недоволен. В. Ф. Миткевича не удовлетворяет действительно научная, признанная всем миром квантовая формулировка проблемы взаимодействия, предложенная Дираком и развитая мною в моем докладе на мартовской сессии Академии наук в 1936 г. Он хочет от современной постановки вопроса вернуться к постановке XVII—XIX веков. Неужели ж наша Академия согласна этому способствовать путем организации специальной дискуссии?»

Далее Фок кратко обсуждает «логику» А. А. Максимова в его статье «О физическом идеализме и защите его акад. А. Ф. Иоффе», опубликованной «Под знаменем марксизма» в том же № 11-12.

«Статья А. А. Максимова довольно длинная, — пишет Фок, — и подробный ее разбор занял бы слишком много места. Но нигде в ней нельзя встретить ни намека на научную аргументацию. Зато в изобилии встречаются ругательства, передержки и фальсификации высказываний отдельных физиков. Поэтому не приходится сомневаться в том, что того же характера будут и его выступления на предполагаемой сессии. Что касается выступлений ак. В. Ф. Миткевича, то они неизменно сводятся к повторению его вопроса „да“ или „нет“. Таким образом, можно заранее судить о научном уровне предполагаемой дискуссии. Делу не поможет и мой доклад (от Группы физики), от которого я не счел возможным отказаться, несмотря на крайне неблагоприятную для него обстановку.

Ввиду всего изложенного, естественно возникает вопрос: стоит ли вообще Акаде-

²⁰ Протоколы заседаний Президиума Физической группы АН СССР за 1937 г. ААН. Ф. 437. Оп. 1. Д. 73.

мии наук СССР устраивать при данных условиях дискуссию? Я решительно отвечаю, что не стоит. Довольно и одного скандала: созыва 9 декабря 1936 г. особого совещания для заслушивания доклада Н. П. Кастерина и напечатания этого доклада Академией наук. Если дискуссия будет устроена, она несомненно выльется в скандал еще более крупный и принесет большой вред советской физике.

Совершенно иначе обстояло бы дело, если бы был гарантирован надлежащий уровень дискуссии. Ведь на самом-то деле в физике действительно возникают серьезные философские проблемы, например разработка последовательно-материалистического понимания квантовой механики. Казалось бы, что, располагая таким оружием, как диалектический материализм, советские философы в союзе с физиками должны быть в состоянии решать такого рода проблемы. Однако это далеко от осуществления. Во всяком случае ясно, что выступления, подобные разобранному выше, только дискредитируют советскую философию²¹.

16 февраля на заседании Оргкомиссии А. М. Деборин сообщил, что совещание откладывается: «Сейчас не имеется подходящих условий для проведения такой сессии. (...) Я думаю, что сейчас даже можно не указывать конкретного срока»²². Судя по тому, как при этом упоминалось имя Фока и его письмо, можно предположить, что именно оно, содержащийся в нем медицински точный диагноз, стало главным неподходящим условием.

Конечно, наивно было бы считать письмо Фока единственной причиной. Действовали, видимо, обстоятельства, не оставившие следа в архивных стенограммах.

Все названные здесь лица наверняка знали о «чуде святого Владимира». Так назвали краткосрочный арест Фока в феврале 1937 г.: 11 февраля его арестовали в Ленинграде, этапировали в Москву, но через несколько дней вернули домой в целостности (если не считать пуговиц). Владимир Александрович вовсе не скрывал этого эпизода своей биографии. Вот как, например, Фок упомянул о нем в заявлении Ленинградскому областному прокурору от 20 июля 1937 г., когда потребовал защитить его честное имя «от гнусной клеветы и оскорблений со стороны В. Е. Львова». Львов, журналист и научный обозреватель «Нового мира», в апрель-

ском номере журнала в рецензии на книгу Миткевича назвал Фока «ученым мракобесом, взыскующим методов Гитлера», за его «откровенно-фашистское» отношение к трудам Миткевича (видимо, Львов успел узнать об аресте Фока, но уже не успел «учесть» в своей статье его освобождение).

Во укрепление своей позиции Фок пишет прокурору: «Что касается того, фашист я или нет, то об этом лучше всего может судить Член Политбюро, Нарком Внутренних Дел тов. Н. И. Ежов, который вызывал меня к себе в Москву 15 февраля 1937 г. для личного знакомства и в незабываемом для меня разговоре со мной между прочим сказал, что не имеет никаких возражений против избрания меня Академией наук в свои действительные члены»²³.

Одновременно с заявлением в прокуратуру Фок послал письмо в Отдел науки ЦК ВКП(б), где говорится: «Называя крупнейших советских физиков, уже внесших и продолжающих вносить свой общепризнанный ценный вклад в мировую науку, "обскурантами" и "мракобесами", В. Е. Львов противопоставляет им акад. В. Ф. Миткевича — наивные представления которого о природе соответствуют взглядам, господствовавшим полвека и более назад, — как „борца“ с реакционными силами в физике». Безнадежно устарелые взгляды акад. В. Ф. Миткевича будут обсуждаться, между прочим, в предстоящих заседаниях Физической группы Академии наук, где они, несомненно, получат должную оценку. Статью Львова можно рассматривать как своего рода "подготовку" широких кругов читателей "Нового мира" к этому обсуждению — подготовку, имеющую целью извратить действительное положение вещей. Извращение доходит до того, что В. Е. Львов осмеливается говорить, будто борьба акад. В. Ф. Миткевича против современной физики ведется „при идейной поддержке партии“²⁴.

Что решил Отдел науки ЦК по этому поводу, неизвестно, но, если судить по делам Академии, партия не оказала «идейной поддержки» материализму акад. Миткевича.

Дискуссия оказалась отложена на десять лет.

Советской физике, выдержавшей философский натиск 1937 г., предстояли еще тяжелые в этом отношении времена. Конец их обозначило только Всесоюзное совещание по философским вопросам естествознания

²¹ ДАН. Ф. 2. Оп. 1 (1937). Д. 558. Л. 1—7.

²² Стенограмма Оргкомиссии по созыву совместного заседания групп философии, физики и технической физики. ДАН. Ф. 394. Оп. 10. Д. 69.

²³ Фок В. А. [Заявление прокурору и письмо в Отдел науки ЦК о выступлениях В. Е. Львова в журнале «Новый мир».] ААН. (ЛО). Ф. 1034. Оп. 2. Д. 9. Л. 1—2.

²⁴ Там же. Л. 7.

1958 г. Однако назвать это совещание разгромом философского надзирательства оснований нет. Первый доклад на этом совещании сделал Митин, тот самый, который в 1938 г. рекомендовал Миткевича в качестве докладчика о «современном физическом идеализме на Западе и его проявлениях у нас».

А что же председатель Оргкомиссии 1937—1938 гг.? В 1965 г. «проделав длинный путь борьбы, охватывающий целое полстолетие», в научной автобиографии Максимов подвел «некоторые итоги этой борьбы». Не без гордости он описал свой вклад в борьбу с идеализмом на этапе, когда тот вступил в союз с космополитизмом. Началось это довольно рано: «В Москве в конце 1942 г. в ЦК партии я в лице П. Н. Федосеева, заместителя Г. Ф. Александрова (начальника управления пропаганды и агитации ЦК.— Г. Г.), получил задание осуществить работы, которые бы содействовали развертыванию патриотических чувств советских ученых, советской интеллигенции вообще»²⁵. (Как широко и далеко развернулись патриотические чувства, хорошо известно.) К 1943 г. вклад Максимова в науку возрос настолько, что он стал членом-корреспондентом АН СССР по отделению истории и философии. И, разумеется, участвовал в подготовке Всесоюзного совещания физиков 1949 г.²⁶

Завершал свою карьеру Максимов при молчании фанфар.

По состоянию здоровья, подорванного борьбой с идеализмом, он в 1954 г. ушел на пенсию из Института философии, но в качестве члена-корреспондента АН СССР (избран в 1943 г.) еще двадцать лет регулярно сообщал в Академию о своих научных занятиях. В частности, в 70-е годы он трудился над статьей «Провал мнимой идеологической диктатуры философского релятивизма и гнилость культа личности А. Эйнштейна», в которой намеревался доказать, что «теория отн-сти А. Эйнштейна вообще сильно затормозила развитие науки в ряде вопросов».

Читателю, наверное, хотелось бы узнать, что Максимов в своем жизнеописании рассказал о философско-физических сражениях. Очень немного. А о сорвавшейся академической дискуссии 1938 г., организацией которой Максимов занимался целый год, вообще ни слова.

Видимо, он отличал поражения от побед.

Но в целом своей жизнью Максимов остался доволен, если судить по заключительной фазе его автобиографии:

«Возникает вопрос: можно ли было лучше использовать свои силы? Вероятно — можно. Но это область мечтаний. Хорошо, что я сделал то, что сделал. Я благодарен своей судьбе»²⁷.

Точно ответить на вопрос, возникший у Максимова, история науки вряд ли сможет. Но полезно об этом вопросе помнить.

²⁵ Максимов А. А. Об отношении к естествознанию и естествоиспытателям. 1965. 104 л. ААН. Ф. 1515. Оп. 1. Д. 153. Л. 2, 86.

²⁶ «Природа» предполагает в ближайшее время осветить и этот сюжет. (Прим. ред.)

²⁷ Максимов А. А. Заметки 70-х годов. ААН. Ф. 1515. Оп. 1. Д. 78. Л. 6, 13.